

Религиоведение. 2022. № 1. С. 72–81.
Religiovedenie [Study of Religion]. 2022. No. 1. P. 72–81.

DOI: 10.22250/20728662_2022_1_72

¹ Аринин Е.И., ² Лютаева М.С., ³ Маркова Н.М.

^{1,2,3} Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых
^{1,2,3} 600026, Россия, г. Владимир, ул. Горького, 87

¹ eiarinin@mail.ru

² liutaeva@yandex.ru

³ natmarkova@list.ru

Е.И. Аринин

М.С. Лютаева

Н.М. Маркова

Аутопойезис религии как социальной подсистемы: рецепция идей Н. Лумана российскими исследователями религии

Аннотация. Статья представляет анализ ряда российских исследований творчества Никласа Лумана (Niklas Luhmann, 1927–1998), фокусирующихся на понимании религии как особой аутопойетической подсистемы общества. Авторы описывают формирование «различений» в религиозной сфере социальной жизни и их «аутопойезис». Первые представления о религии как «вФре» князя и придворной элиты имплицитно фиксируются с X–XI веков в контексте «теологических» размышлений об «истинном благочестии», которое как «правда» и «закон» противопоставляли «лжи» и «беззаконию». Общепринятый сегодня термин «религия» фиксируется в текстах на русском языке с начала XVIII века, оставаясь редким до второй половины 60-х годов XIX века, приобретая к началу XX века около 20 значений в спектре коннотаций от предельно возвышенных («спасительная истина») до предельно профанированных («опиум для народа») в «атеистических» изданиях советского периода, когда власть начинает конструировать «коммунизм» как глобальную перспективу «всеобщего царства правды», в котором должен утвердиться «атеизм», а все религии должны «отмереть». Современное российское религиоведение «академически» описывает феномен религии в целом ряде специализированных исследовательских направлений со своими различиями «истинного/ложного», включая и понимание её как «аутопойезиса» убеждений наших сограждан и их сообществ как «акторов» коммуникационных процессов, входящих в социальные подсистемы науки, права, медиа и т.п. со своими различиями «атеистического/религиозного». В изданиях XXI века обсуждается многообразие значений латинского слова «religio» и его производных, обозначающих как бесконечно сложную и неопируемую «экстралингвистическую реальность» бытия человека в мире, так и локальные формы «надзирания за неизвестным», редуцирующие всё «неосвоенное» к языку конфессионального «благочестия» и индивидуальной или групповой «вернакулярной религиозности», которые сегодня могут пониматься «теологически», «атеистически» или «академически».

Ключевые слова: религия, атеизм, Россия, вернакулярная религиозность, анализ различений, аутопойезис, Н. Луман

¹ Evgenyi I. Arinin, ² Maria S. Lyutaeva, ³ Natalia M. Markova

^{1,2,3} Vladimir State University

^{1,2,3} 87 Gorkogo str., Vladimir, 600026, Russia

¹ eiarinin@mail.ru

² liutaeva@yandex.ru

³ natmarkova@list.ru

Autopoiesis of Religion as a Social Subsystem: Reception of N. Luhmann's Ideas by Russian Researchers of Religion

Abstract. The article offers an analysis of a number of Russian studies of the work of Niklas Luhmann (1927–1998), focusing on the understanding of religion as a special autopoietic subsystem of society. The authors describe the formation of “differences” in the religious sphere of social life and their “autopoiesis”.

The first ideas about religion as the “faith” (“вѣра”) of the prince and the court elite are implicitly recorded from the 10th – 11th centuries in the context of “theological”, reflections on “true piety”, which, like “truth” and “law”, opposed “lie” and “lawlessness”. The term “religion”, generally accepted today, has been fixed in texts in Russian since the beginning of the 18th century, remaining rare until the second half of the 60s of the 19th century. By the beginning of the 20th century, it acquires about 20 meanings in a spectrum of connotations from the extremely sublime (“saving truth”) to the extremely profane (“opium for the people”) in the “atheistic” publications of the Soviet period, when the authorities begin to construct “communism” as a global perspective “universe of truth”, in which “atheism” must be established, and all religions must “die off”. Modern Russian religious studies “academically” describe the phenomenon of religion in a number of specialized research areas with its own distinctions of “true/false”, including understanding it as an “autopoiesis” of the beliefs of our fellow citizens and their communities as “actors” of communication processes that are part of the social subsystems of science, rights, media, etc. with its “atheistic/religious” distinctions. The publications of the 21st century discuss the variety of meanings of the Latin word “religio” and its derivatives, denoting both the infinitely complex and indescribable “extra-linguistic reality” of a person’s existence in the world, and local forms of “observing of the unknown”, reducing everything “unmastered” to the languages of the confessional “piety” and individual or group “vernacular religiosity”, which today can be understood “theologically”, “atheistically” or “academically”.

Key words: religion, atheism, Russia, vernacular religiosity, analysis of differences, autopoiesis, N. Luhmann

Введение

Представляемый текст описывает некоторые проекты российских исследований феномена религии, основанные на рецепции ряда идей из наследия Н. Лумана, фокусируясь, в силу ограниченности объема данной статьи, в основном на таких моментах его концепции, как «различение» и «аутопойезис». Первые документы, описывающие то, что мы сегодня называем «религией», фиксируются в российском контексте как «теологические» размышления духовенства («Слово о законѣ и благодѣти...», Иларион, 1037–1050) об «истинном и спасительном правовѣрии» («благовѣрии», «сияющем благочестии» и т.п.), которое, как «правда» и «закон», принятые князем, были противопоставлены «лжи» и «беззаконию» начиная с летописного предания о «выборе вѣры» («Повѣсть временныхъ лѣтъ», 1039–1117). С XVIII века эксплицитно фиксируется кириллическая транслитерация «религия» («религія»), которая, согласно данным «Национального корпуса русского языка» (далее – НКРЯ), в этом столетии присутствовала только в 16 текстах. На порядок большее распространение это слово получает только с 60-х годов XIX столетия, выходя на новый уровень использования с начала XX века, когда оно приобретает целый спектр денотаций и коннотаций – от предельно возвышенных («духовный закон Всероссийская Церковь», «спасительная истина» и т.п.) до предельно профанированных («мракобесие», «опиум для народа» и т.п.) в «атеистической» литературе. С конца XX века в России активно самоопределяются проекты нового религиоведения, стремящиеся «академически» описывать многообразие феноменов, обозначаемых словом «религия» в качестве частных форм универсального «отношения к сакральному» или «надзираю за неизвестным».

Академическое религиоведение видит в религии «аутопойезис» спонтанно возникающие переживания наших сограждан и солидарных с ними сообществ как свободных коммуницирующих субъектов, входящих в социальные subsystemы науки, права, медиа и т.п., где формулируются специальные оценки их убеждений, вплоть до судебных экспертиз, непосредственно влияющих на гражданские права каждого из нас. Такой анализ опирается на всё многообразие значений латинского слова «religio» и его современных производных, призванных, согласно Цицерону, обозначить древний идеал глобального «общезиельства» как «республики» («общего дела») в «Pax Deorum» («мире с богами», «бытия в гармонии с основаниями вселенной»). С этих позиций рассматриваются события из жизни как отдельных граждан, так и различных «братств ближнего круга», образующих историческое и современное многообразие религиозных сообществ, включая ряд феноменов, причастность которых к области «религия» может порой оспариваться (сказка, фэнтези, экстрасенсы и т.п.).

1. Рецепция работ Н. Лумана в российском религиоведении

Никлас Луман – один из крупнейших социальных теоретиков XX века и, по словам Е.А. Островской, его воззрения на религию «закрывают классический пе-

риод теоретизирования в социологии религии» [Островская, 2018, 82]. Российские авторы, начиная А.Ф. Филиппова (1984), отмечают, что Луману принадлежит заслуга создания оригинальной социальной теории, описывающей общество как систему коммуникаций, дифференцированную по специфическим проблемно-тематическим направлениям генерализации взаимных ожиданий. С 60-х годов XX века научные разработки этого философа в области социальной теории получают широкое распространение в Германии, а начиная с 70-х годов постепенно становятся известны во всём мире, в том числе и в России, где начиная с 1991 года опубликованы переводы более его 30 статей и 10 монографий (А.Ф. Филиппов, А.Ю. Антоновский, Н.А. Головин, Д.В. Озирченко и др.). Вместе с тем тексты, непосредственно посвящённые религиозной проблематике, ещё ждут своего перевода. Более детально обзор направлений и результатов исследований наследия билефельдского теоретика в России представлен в диссертации одного из соавторов настоящей статьи [Лютяева, 2021, 5–9].

В настоящее время его концепция используется в исследованиях по философии, социологии, политологии, юриспруденции, массмедиа и т.п. Применение лумановской теории в религиоведении рассмотрено в целом ряде статей, монографий и диссертаций. Исследовательский фокус Е.А. Островской-мл. направлен на разработку институциональной социологической модели религии с применением её к изучению буддизма и традиционных религиозных идеологий (2003–2018). Е.В. Воронцова дала анализ организационной теории Лумана, использовавшейся для поиска перспектив модернизации христианских церквей в Германии, а также её рецепции в христианской теологии и эволюцию его научных взглядов в области изучения религии (2010–2017).

Теоретическому описанию трактовки религии как «аутопойетической» системы в работах немецкого социолога посвящён ряд публикаций Е.И. Аринина, отметившего важность анализа значений термина «религия», превращающую пугающую неопределённость мира в определённую ритуала и локальных мифологических и теологических учений (2011–2022). Ж.В. Латышева анализирует концепцию «аутопойезиса» с позиции применения её в процессе социального трансцендирования, преодоления «собственных повседневных границ» (2011–2016). Ю.Г. Матушанская (2012–2021) показала взаимосвязь между «самореференцией концептуальной модели исторического процесса в Библии и аутопойезисом европейской цивилизации» на основе письменно зафиксированной практики структурирования значимых смыслов. И.Е. Викулов (2015–2019) применяет разработанный философом теоретико-методологический аппарат, описывая массмедийное конструирование религиозного на примере конфликта «нормативностей» с позиции дифференцированных систем современного общества, таких как наука, право и политика, на основании различий «должного», «терпимого» и «запретного». М.С. Лютяева (2019–2022) представила публикации, описывающие понимание Луманом религии и искусства как «аутопойетических» систем современности с применением этой методологии к региональным феноменам.

2. Различия и подходы к определению религии в России

2.1. Базовые различия в понимании религии Луманом

Н. Луман в своих работах, частью переведённых на русский язык, использовал несколько терминов, через которые определял специфику феномена религии. Так, он использовал термин «unbestimmbar» (неопределённый, неопределимый), отметив, что в религии «происходит трансформация комплексности (сложности) неопределимой (неопределённой) в определяемую» [Luhmann, 1982, 20]. В другом тексте Луман использует термин «unvertraut» (неблизкий, незнакомый, ненадежный), отмечая (перевод), что «если магия и примыкающие к ней дальнейшие её представления вроде мифов и ритуалов надзирают за границей с неизвестным, то основная форма взаимности образует внутреннюю регуляцию сегментарных обществ» [Луман, 2011, 61].

Дополнительно Луман отмечал, что этимологически слово «религия» соотносится с понятиями «новообращение», повторяющееся «связывание с начальным» (Rückbindung), «повторное связывание» (Wieder-Bindung) с основанием [Luhmann,

2002, 80]. В последних работах он связывал религию с феноменом «трансцендентного», которое скрывает «ненаблюдаемое» (unbeobachtbar) [Luhmann, 2002, 32], «недостижимое / недоступное» (unerreichbar), «сверхъестественное» (das Unheimliche) [Luhmann, 2002, 88].

Эти термины («неопределимое» / «неизвестное» / «начальное» / «трансцендентное» / «сверхъестественное») обладают семантической уникальностью, но при этом составляют особое единство, поскольку их можно рассматривать в качестве нескольких степеней индивидуальной рефлексии универсального отношения к миру «неизвестного». Последний, как особая область бытия индивида в окружающей действительности, может именоваться «экстралингвистической реальностью». Её дистанцируют от «лингвистической действительности» как «названного», «поименованного» и «освоенного» путём его маркирования в языке, или, другими словами, «названного» как «заванного» в «лингвистический мир».

Такое «освоение» начинается с признания самого факта существования «неизвестного», которое всегда способно вторгнуться в обжитой мир «знакового». Исторически уже в первых урбанистических обществах возникла письменность, передавшая нам уточнённые концепции Древней Греции, где поэты и философы впервые стали анализировать устные предания, восходящие к культурной памяти о тысячелетиях коммуникации «лицом-к-лицу», формулируя представления о «начальном» (ἀρχή), «неопределимом» (ἄπειρον), «эфирно-божественном» (Αἰθήρ, Θεός, εἶδος, ἄτομος, θεωρία, ὑπόστασις, ἐλέκεϊνα) и т.п., что позднее уже христианическими авторами стало эксплицитно на латыни маркироваться как «трансцендентное» («transcendere») [Семенов, 2011, 106–108]. В целом можно говорить про две степени, одна из которых используют «язык первого порядка», маркируя присутствие «неопределимого» и «неизвестного» в повседневной жизни, очевидного для каждого наблюдателя окружающей действительности, тогда как для второй характерно изобретение «языка второго порядка» (языка наблюдателей за наблюдателями первого порядка), где формулируются концепции «реальности» как присутствия «начального», «трансцендентного», «сверхъестественного» и т.п., маркируемого в текстах как значимое «незримое» («запредельное», «сверхприродное» и т.п.) в определённых субкультурах (социальных группах, элитах), поддерживающих «аутопойезис» таких интерпретаций бытия личности в мироздании.

2.2. Лексемы «вѣра», «невѣрные» и «релѣя»

Эксплицитно, как уже отмечалось, слово «религия» входит в русский язык в XVIII веке, однако имплицитно представление о феноменах, которые сегодня им обозначаются, закрепляются в письменных формах после «крещения Руси» (988), когда в текстах появляется слово «вѣра», выступившее в качестве особого статусного обозначения эксклюзивной и разделительной «истины», принятой князем Владимиром для «Русская земля», ставшей частью глобального братства «Rax Christiana». Очевидно, что важные для любой культуры особенности различий «вѣрного» и «невѣрного» («лжи») как «должного» и «опасного» существовали во все эпохи развития человечества. В нашем контексте можно говорить про «аутопойезис» внутренних и внешних отношений сообщества «вѣчевой традиции» и «вѣрных князю» («дружины») с теми, кто описывался с помощью бинарной оппозиции «свой»/«чужие». Так, «своей» в текстах X–XI веков выступает субкультура «благовѣрных христиан» («друзей» князя и «вѣрных митрополиту»), которой противостоят «чужие» как собирательная общность субкультур «язычников» и «еретиков» как «невѣрных» («недрузгов»), в том числе тех, кто представлял сообщества соседей – «Rax Chazarica» и «Rax Islamica». Все первые «законы» династии Рюриковичей («Церковный устав князя Владимира», «Правда роусьска» и т.п.) содержат различения «своих» как «вѣрных христиан», от многообразия «чужих» как «невѣрных» («жидовин», «бесермен» и т.п.), с кем запрещалось жениться и принимать пищу.

Значительно более сложной стала ситуация в «Rax Slavica» с XI–XIII веков, когда братство «правовѣрных христиан» стало дифференцироваться на «католиков» («латинян», «фрязей» и т.п.) и «православных» («греков», «правовѣрных» и т.п.), представив свои «разномыслия» печатно после «Революции Гутенберга» (1450–1455), когда утвердились новые, по сравнению с летописями, нормы однозначности

текстов, приведшие к конфликтам элит эпохи Реформации (1517–1648) и публикации ряда «Омологий» («Символов вѣры»), дистанцировавших «братства христиан» как самоопределяющиеся («аутопойетические») «конфессии» («исповедания»). Заключение «Брестской унии» (Unia brzeska, 1596) привело не только к конфликтам, но и к коммуникации, в которой использовались лексемы «вѣра» и «релѣгя/religio» в качестве синонимов в текстах, когда локальные меньшинства последователей «religiey Greckiey» («вѣри старожитно-греческой», «релѣги греческой»), живших на территориях, переходивших из рук в руки в военных противоборствах той эпохи, стали защищать свои права на «самостояние», зафиксировавшись в текстах эпохи («Апокрисис», 1597–1598). Проблемной стала и т.н. «книжная справа» (1640–1667), породившая феномен «раскольщиков». Конфессиональные различия дополнялись распространившейся модой на театр, новой формой «метаконафессионального» дискурса, как, к примеру, 10-часовое «Артаксерсово действо» (1672), успешно поставленное для царя и придворных под руководством лютеранского пастора (Johann Gottfried Gregorii, 1631–1675) по сюжету ветхозаветной «Книги Есфирь». Феномен театра, возникший в античности, позволил «трансцендентное» представить как контролируемое «наблюдаемое». Строго говоря, в терминах «Соборного уложения» (1649), «правовѣрный» царский двор с одобрением смотрел на «действо», созданное «невѣрным» (лютеранским пастором) и на жизнь «невѣрных» (иудеев в Ассирийской империи). Это заложило основания для новой традиции наглядных презентаций внутреннего мира личности и особой «истинной набожности», которые силой «художественной правды» показывали допустимость сосуществования разных видов сложных отношений «вѣрности/невѣрности» как в обществе, так и в душе индивида.

2.3. Лексемы «вѣра», «наука» и «религія» в «Respublica literaria»

Новые различия появляются с началом петровских реформ, успехов в Северной войне (Stora nordiska kriget, 1700–1721), учреждением Российской империи (1721), «Духовной коллегии» («Святѣйшій Правительствующій Свѣодъ», 1721) и «Академии наук» (1724). Последняя создает российскую область субкультур глобального сообщества «Respublica literaria», где формируется особое понимание «истины», специализированное в юридической, моральной, географической и т.п. «литературе», отделяющее себя не только от «лжи», но и конфессиональной «омологии/теологии/религии». Слово «религія» как кириллическая калька латинского слова «religio» и его производных на местных европейских языках впервые фиксируется в 1706 году в походных журналах Петра I, где отмечена необходимость охранять в духе норм Вестфальского мира (Мюнстерское соглашение, 1648) «протестантскую религію» населения, присоединяемого в ходе военных действий [Журнал, 1770, 133]. В том же значении оно входит в правовой дискурс с 1710 года в качестве требования «Евангелическую религію непременнаго Аугсбургскаго исповеданія <...> чисто и нерушимо содержать» [2286. – Августа 12, 1830, 537].

В первой половине столетия денотатом слова «религія» («религія» и др.) были сообщества протестантов, католиков и мусульман, которым противостояло «сияющее благочестие» спасительной «Всероссийской Церкви» («Духовный регламент», 1721). С середины века последнее сообщество начинают относить к общей категории европейской «религии/religion». М.В. Ломоносов редактировал «Мнения Цицероновы» (1752), где слово «religion» стало передаваться кириллической лексемой «закон», обозначая бытие личности в отношении с богом, отличаясь от «беспокойств человека», боящегося «молнии», «вещуна» и т.п. «простонародных суевѣрных» [Мнения, 1752, 15, 19, 21, 55]. «Народные вѣроваия» как «суевѣрие» здесь противопоставляются «закону» («религии», «теологии») просвещенной элиты.

Во второй половине века меняется отношение к «суевѣрным» и «чаротворцам», которые ранее могли караться смертью, как к примеру, это дано в «Артикуле воинском» (1715), утверждавшем, что «кто из воинских людей найдется <...> ружья заговоритель, суеверный и богохулительный чародей», то «онный... сожжен имеет быть» (гл.1. О страхе божии). Указ «О предостережении судей от неправильных следствий и решений по делам о колдовстве и чародействе и о наказании кликуш плетми, яко обманщиц» (1770) требует квалифицировать «чародейство» как «об-

ман», наказуемый плетью. Другой подход к «чаротворцам» утверждается в Академии наук, эксперты которой, описывая народы империи, отмечали, что «тунгузы <...> Законъ содержатъ языческой по Шаманскому толкованию», т.е. квалифицировали шаманизм как «Законъ» одного из провинциальных сообществ, наряду с законами «Магометан», «Шигемунян» и т.п. [Георги, 1777, 55]. Такому «Закону / религии» противопоставляли «необузданную привязанность к чудесам, или к так называемым таинственным наукам» [Описание, 1787, 7]. В конце этого столетия, согласно НКРЯ, появляется термин «сверхъестественный». В целом, за весь XVIII век, начиная с 1738 года (К. Таубертъ. Краткое описание всѣхъ случаевъ касающихся до Азова, НКРЯ), были опубликованы 16 текстов, написанных переводчиками, писателями, военными и путешественниками, содержащих слово «религія» и его производные, ещё 5 книг вышли сверх списка НКРЯ. Эти тенденции закрепляются в XIX веке, когда «теологические» издания дополняются специализированными «академическими» исследованиями, представляющими новую «науку о вѣроваіяхъ» (1882, П.Л. Лавров), «науку о религіяхъ» (1887, М. Мюллер), а количество текстов со словом «религия» возрастает почти в 20 раз (НКРЯ).

2.4. Лексемы «религия» и «сверхъестественное», начало «штурма небес»

Две революции 1917 года сопровождалась утверждением новой юридической нормы «свобода совести и религии» и попытками радикального «штурма небес», опирающимися на «атеистический» дискурс, включая появление в первом Уголовном кодексе (1922) новой формы преступления – «преподавание малолетним и несовершеннолетним религиозных вероучений в государственных или частных учебных заведениях и школах», что каралось «принудительными работами на срок до одного года» (ст.121) [Уголовный кодекс, <http://constitutions.ru/?p=5341>]. В 1929 году было принято постановление «О религиозных объединениях» (08.04.1929), где впервые в российской истории игнорировалось различие церковь/секта, религия/суеверие и т.п., но утверждалось, что к «религиозным объединениям» относятся все «церкви, религиозные группы, толки, религиозные течения и прочие культовые объединения всех наименований». Такой неологизм советского «новояза» как «культовые объединения» редуцировал «жажду Бесконечного» к формам «культов» неких «сил».

Вместе с тем антропологам хорошо было известно со времени публикации фундаментальной монографии «The Golden Bough: A Study in Magic and Religion» (1890) Дж. Фрезера (Sir James George Frazer, 1854–1941), что следует различать феномены религии, магии и науки. В 1937 году выходит перевод монографии «Le surnaturel et la nature dans la mentalité primitive» (1931) Л. Леви-Брюля (Lucien Levy-Bruhl, 1857–1939), что сделало термин «сверхъестественное» частью официального дискурса на весь советский период. Обычным в этот период стало сведение религии в справочных изданиях к «вере в сверхъестественное», наука же понималась как «знание о естественном», позволяющее построить «коммунизм» как «царство правды».

Так, в 1941 году «Большая советская энциклопедия» (далее – БСЭ), утверждала, что религия есть «поклонение богу или богам, вера в сверхъестественные силы» и «по самому своему существу антинаучна, враг науки» [Францов, 1941, 567]. Эта формулировка оставалась «канонической» и далее, вплоть до «Новой российской энциклопедии» (2015), где значительно корректнее отмечено, что «привлечение для определения религии понятия “сверхъестественное” чревато существенными затруднениями» [Забияко, Красников, Элбакян, 2015, 81]. В этот период начинают публиковаться работы, в которых религия описывается как отношение к «сакральному», отличаемому от «профанного», вслед за революционными трудами Эмиля Дюркгейма (1912, *Les Formes élémentaires de la vie religieuse: le système totémique en Australie*) и Рудольфа Отто (1917, *Das Heilige – Über das Irrationale in der Idee des Göttlichen und sein Verhältnis zum Rationalen*), полностью представленными в русских переводах только в XXI веке.

Вместе с тем, «сакральное» в СССР предельно серьезно было представлено в художественной литературе (1966, М.А. Булгаков, «Мастер и Маргарита») и кинематографе (1966, А. Тарковский, «Страсти по Андрею»; 1979, «Сталкер»).

В 1985 году была опубликована «Структурная антропология» (перевод «Anthropologie structurale», 1958) К. Леви-Стросса (Claude Lévi-Strauss, 1908–2009), дополненная рядом других его работ, где автор не только критиковал идеи Леви-Брюля о сверхъестественном в сознании «дикарей», но и подчёркивал единство человеческой природы в истории, отметил мысль О. Конта, что «суеверия, даже те, что сегодня нам кажутся наиболее абсурдными <...> изначально обладали прогрессивным философским характером...» [Леви-Стросс, 1994, 286]. Он приводил показательный случай с историей дивизии «Радуга» («Rainbow», 42nd Infantry Division), созданной в период первой мировой войны. Это подразделение, случайно получив своё наименование в качестве ироничного «прозвища» за смешанный состав собранных резервистов, за несколько месяцев из искусственно созданного военного подразделения превратилось в специфическое «религиозное объединение», где сложились особые практики почитания метеорологического явления «радуги» как «сакрального», что демонстрирует, что любая субкультура всё «неизвестное» стремится превратить в «знакомое» и «освоенное» [Леви-Стросс, 1994, 42–43].

2.5. Лексема «религия» и «сакральное»

Интерес к «сакральному» в СССР (стране «массового атеизма») стал эксплицитно заметен только в период «перестройки», когда власти в 1988 году согласились на публичное празднование «1000-летие введения христианства на Руси» совместно с ЮНЕСКО. С этого периода прекращается преподавание научного атеизма в ВУЗах и массовое издание атеистической литературы, сменяясь изданием приобретших большую популярность переводов трудов Мирча Элиаде (Mircea Eliade, 1907–1986), утверждающих новый для российских читателей «феноменологический» подход к описанию религии. Одним из первых эти идеи стал применять А.П. Забияко, писавший, что «историю религиозного сознания можно представить как длинную череду попыток выразить невыразимое» [Забияко, 1998, 5].

В таком контексте совокупность «попыток выразить невыразимое» важно описать не как «поток суеверных заблуждений», как было принято в атеистическом СССР, но представить в качестве форм «освоения» всего «неопределённого». Последний термин является амбивалентным и объединяет то, что на данный момент представляется «неустановленным», но в дальнейшем может оказаться «освоенным», как, к примеру, вторжение COVID-19, которое, как все мы надеемся, перейдёт в статус «понятного», подобно печально памятной «испанке» (La Grippe Espagnole, 1918–1920), заразившей около 30% населения Земли и унёсшей жизни почти 100 млн. человек, к сегодняшнему моменту превратившейся в банальный грипп. С другой стороны, всегда остаётся сфера неустранимо «неустановленного» и «неизвестного», как, к примеру, знаменитое «звёздное небо надо мной и моральный закон во мне» И. Канта, т.е. вечная тайна цельности мироздания и каждой личности. Такое «неопределённое» и «неизвестное» является предельно серьёзным основанием всех попыток культур «устанавливать» нормы, в том числе маркируемые как «сверхъестественное/сакральное», отличающиеся от «естественного/профанного».

В этом контексте возрастает интерес к т.н. «вернакулярным» формам религиозности, на которые первым обратил внимание фольклорист Л. Приммиано (Leonard Norman Primiano, 1957–2021), выделивший феномен «вернакулярной религии» (Vernacular Religion, 1995) [Такахаси, Аринин, Погодина, 2021, 161]. Последняя фиксирует неустранимость спонтанности, сложности и динамизма внутреннего мира личности, который, подобно ситуации с «Rainbow», всегда стремится индивидуальные переживания гармонизировать с коллективными предпочтениями в «освоении» неизвестной и, соответственно, чреватой опасностями реальности, сделав её «родной», что, собственно и означало в древней латыни слово «vernaculum», пришедшее из текстов Варрона и Цицерона. Такие исследования ведутся и в России, когда, к примеру, Н.В. Крюкова отмечает, что при высокой религиозности, фиксируемой социологами в Армении, которую понимают как принадлежность к Апостольской Церкви Армении, по факту «центрами духовной жизни в сёлах являются не действующие церкви, а сурбы – сельские рукотворные и природные святилища» и именно «сеть этих локусов сакрального формирует уникальный для каждого села религиозный ландшафт» [Крюкова, 2021, 177]. Такая «родная» религиозность, спо-

собная поддерживаться тысячелетиями, требует нового категориального языка для своего корректного описания.

Заключение

Исследование «аутопойезиса» феномена религии в русской культуре на основе теоретико-методологической концепции Н. Лумана позволяет выявить спектр терминов, описывающих феномены сферы религии в различные историко-культурные периоды и их границы, маркируемые через определённые различия. Представлены основные дифференциации, свидетельствующие об усложнении внутренней структуры системы от «вѣрного/невѣрного» в княжеском сообществе «благовѣрных христиан» (X–XI вв.) до «освоенного/неизвестного» в современной глобальной культуре. Коммуникация в «аутопойезисе» системы религии, различаясь в исторических эпохах, субкультурах и сообществах, может быть описана как единая уникальная система, образующая свою память как то прошлое, из которого система «вглядывается в собственное будущее». Многообразие значений латинского слова «religio» и его производных, обозначающих как бесконечно сложную и неопишуемую «экстралингвистическую реальность» бытия человека в мире, так и локальные традиции «надзирающие за неизвестным», позволяет описать все «неосвоенное» в привычных символах различных образов практик гармоничной жизни и коммуникации с высшими началами бытия, представленными «теологически», «атеистически» или «академически».

Благодарность

Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ «Философское религиозоведение о специфике отношений религии и искусства в контексте теории “аутопойетических” систем Никласа Лумана» (19-011-00847 А).

Acknowledgement

This work has been supported by the grant from the Russian Foundation for Basic Research under the project: Philosophical religious studies on the specificity of relations between religion and art in the context of the theory of Niklas Luhmann's “autopoietic” systems (19-011-00847 A).

Библиографический список

1. Георги, И.Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов / И.Г. Георги. – СПб., 1777. – Ч. 3. – С. 55.
2. Журнал или Поденная записка, блаженные и вечнодостоинья памяти государя императора Петра Великого с 1698 года, даже до заключения Нейштатского мира.: Напечатан с обретающихся в Кабинетной архиве списков, правленных собственной рукою его императорского величества. – СПб.: При Имп. Акад. Наук., 1770. – Ч. 1. – С. 133.
3. Забияко, А.П. Категория святости. Сравнительное исследование лингворелигиозных традиций / А.П. Забияко. – М.: Издательский дом «Московский учебник-2000», 1998. – С. 5.
4. Забияко, А.П. Религия / А.П. Забияко, А.Н. Красников, Е.С. Элбакян // Новая российская энциклопедия. – М.: Энциклопедия, 2015. – Т. 14 (1). – С. 81.
5. Крюкова, Н.В. Вернакулярное христианство в сельской Армении / Н.В. Крюкова // Армяне в исторических и этнокультурных процессах XVIII–XXI вв.: сборник научных статей / Отв. ред. Ю.Д. Анчабадзе. – М.: МАКС Пресс, 2021. – С. 177.
6. Леви-Строс, К. Первобытное мышление / К. Леви-Строс. – М.: Республика, 1994. – С. 42–43.
7. Луман, Н. Дифференциация / Н. Луман // Общество общества; Пер. с нем. Б. Скуратов. – М.: Логос, 2011. – Т. 2. – 640 с.
8. Лютаяева, М.С. Религия и искусство как «аутопойетические» системы в теории Никласа Лумана (социально-философский анализ). Дисс. ... кандидата философских наук: 5.7.7 (09.00.11) / М.С. Лютаяева. – Архангельск, 2021. – 202 с.
9. Мнения Цицеронова из разных его сочинений / собранные аббатом Оливетом, прежде с фр. яз. на рос. переведены капитаном Иваном Шишкиным; а ныне при Императорской Академии наук исправлены против подлинника латинского. СПб.: Печатаны при Императорской Академии Наук 1752 года. – С. 15, 19, 21, 55.

10. Описание пребывания в Митаве известного Калиостра на 1779 год, и произведенных им тамо магических действий / Собранное Шарлоттою Елисаветою Констанциею фон дер Реке, урожденною графинею Медемскою. – СПб.: Печ. у Шнора, 1787. – С. 7.
11. Островская, Е.А. Социология религии: введение / Е.А. Островская. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2018. – С. 82.
12. Семенов, В.Е. Трансценденталистская семантика Платона / В.Е. Семенов // Вопросы философии. – 2011. – № 7. – С. 106–108.
13. Такахаси, С. Межкультурная коммуникация в сфере конфессионально-правовых отношений (моменты общего и особенного в России и Японии) / С. Такахаси, Е.И. Аринин, И.В. Погодина // Концепт: философия, религия, культура. – 2021. – Т. 5. – № 4. – С. 161.
14. Уголовный кодекс РСФСР 1922 [Электронный ресурс]. – URL: <http://constitutions.ru/?p=5341>.
15. Францов, Ю.П., Религия / Ю.П. Францов // Большая советская энциклопедия; гл. ред. О.Ю. Шмидт. – М.: Государственный институт «Советская энциклопедия», 1941 – Т. 48. – С. 567.
16. Капитуляция, заключенная между Генерал-Порутчиком Боуером и Шведским Комендантом Фон Швейгельмом. – О сдаче города Пернова Российскому оружию // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. Том IV. 1700–1712 гг. – СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – С. 537.
17. Luhmann, N. Funktion der Religion / N. Luhmann. – Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1982. – P. 20.
18. Luhmann, N. Die Religion der Gesellschaft / N. Luhmann. – Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 2002. – P. 77.

Текст поступил в редакцию 12.09.2021.

Принят к публикации 17.01.2022.

Опубликован 29.03.2022.

References

1. Frantsov Yu.P. *Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya* [Big Soviet Encyclopedia]. Ed. O.Yu. Shmidt. Moscow: Gosudarstvennyy institut "Sovetskaya entsiklopediya", 1941, vol. 48, p. 567 (in Russian).
2. Georgi I.G. *Opisaniye vseh v Rossiyskom gosudarstve obitayushchikh narodov* [Description of all peoples living in the Russian state]. St. Petersburg, 1777. Part 3, p. 55 (in Russian).
3. Kryukova N.V. *Armenyane v istoricheskikh i etnokul'turnykh protsessakh XVIII–XXI vv.: sbornik nauchnykh statey* [Armenians in historical and ethnocultural processes of the 18th – 21st centuries: collection of academic papers]. Ed. by Yu.D. Anchabadze. Moscow: MAKS Press, 2021, p. 177 (in Russian).
4. Lévi-Strauss C. *Pervobytnoye myshleniye* [Primitive thinking]. Moscow: Respublika Publ., 1994, pp. 42–43 (in Russian).
5. Luhmann N. *Die Gesellschaft der Gesellschaft*, 2 Bd. Frankfurt: Suhrkamp, 1997 (Russ. ed.: Luhmann N. *Obshchestvo obshchestva*. Vol. 2. Transl. by B. Skuratov / N. Luhmann. Moscow: Logos, 2011, 640 p.)
6. Luhmann N. *Function of religion* [Funktion der Religion]. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1982, p. 20 (in German).
7. Luhmann N. *The religion of society* [Die Religion der Gesellschaft]. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 2002, p. 77 (in German).
8. Lyutaeva M.S. *Religiya i iskusstvo kak "autopozyeticheskiye" sistemy v teorii Niklasy Lumana (sotsial'no-filosofskiy analiz)* [Religion and art as "autopoietic" systems in the theory of Niklas Luhmann (social-philosophical analysis)]. Dissertation ... of candidate of philosophical sciences. 5.7.7 (09.00.11)]. Arkhangelsk, 2021, 202 p. (in Russian).
9. *Mneniya Tsitseronovy iz raznykh yego sochineniy* [Opinions of Cicero from various of his writings]. St. Petersburg: Imperatorskaya Akademiya Nauk, 1752, pp. 15, 19, 21, 55 (in Russian).
10. *Opisaniye prebyvaniya v Mitave izvestnago Kaliostra na 1779 god, i proizvedennykh im tamo magicheskikh deystviy* [About religious associations. Decree of the All-Russian Central Executive Committee and the Council of People's Commissars of the RSFSR, April 8, 1929]. St. Petersburg: Pech. u Shnora, 1787, p. 7 (in Russian).
11. Ostrovskaya Ye.A. *Sotsiologiya religii: vvedeniye* [Sociology of Religion: Introduction]. St. Petersburg: Peterburgskoye vostokovedeniye Publ., 2018, p. 82 (in Russian).
12. *Polnoe sobranie zakonov Rossiskoi Imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Assembly First. Volume IV. 1700–1712. St. Petersburg: Type. II Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1830, p. 537 (in Russian).
13. Semenov V.E. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy]. 2011, no. 7, pp. 106–108 (in Russian).
14. Takahashi S., Arinin E.I., Pogodina I.V. *Concept: Philosophy, Religion, Culture*. 2021, vol. 5, no. 4, p. 161 (in Russian).
15. *Ugolovnyy kodeks RSFSR 1922* [Criminal Code of the RSFSR 1922] Available at: <http://constitutions.ru/?p=5341> (in Russian).

16. Zabiyako A.P. *Kategoriya svyatosti. Sravnitel'noye issledovaniye lingvoreligioznykh traditsiy* [Category of holiness. Comparative study of linguistic and religious traditions]. Moscow: "Moskovskiy uchebnik-2000" Publ., 1998, p. 5 (in Russian).

17. Zabiyako A.P., Krasnikov A.N., Elbakyan E.S. *Novaya rossiyskaya entsiklopediya* [New Russian Encyclopedia]. Moscow: Entsiklopediya Publ., 2015, vol. 14 (1), p. 81 (in Russian).

18. *Zhurnal ili Podennaya zapiska, blazhennyya i vechnodostoynyya pamyati gosudarya imperatora Petra Velikago s 1698 goda, dazhe do zaklyucheniya Neyshtatskago mira* [Journal or Day Note, blessed and eternally worthy of the memory of Emperor Peter the Great since 1698, even before the conclusion of the Neishtat Peace]. Part 1. St. Petersburg: Pri Imp. Akad. nauk, 1770, p. 133 (in Russian).

Submitted for publication: September 12, 2021.

Accepted for publication: January 17, 2022.

Published: March 29, 2022.